

Бета-тестеры ЖЭК-экстрим: вредитель

Виртуальное пространство игры «ЖЭК-экстрим»

17 апреля, 13:22 реального времени

— Слушайте, я, конечно, уважаю дремучие инстинкты наших пенсионеров, но это уже как-то чересчур. Нам грозит гражданская война! Лукинична из тринадцатой решила распахать свой участок. Плугом. Где она его взяла — это отдельный вопрос. Но мало того, что как тягловую силу она использовала Михалыча, который в результате угодил в больницу... Она же перепахала оптоволоконно, обеспечивающее вверенный нам дом интернетом! Молодое поколение и прогрессивная общественность не простят такого вандализма!

— А что с Михалычем? — лениво спросил Махмуд.

— А вот тебе бы на шею хомут повесить, а перед носом — шкалик на палке. Три борозды пропахал, между прочим! Потом схлопотал инфаркт от избытка чувств.

— Как он? — не без сочувствия спросил Ксенобайт, с нежностью разглядывая наган, подаренный Михалычем во время противокрысиной кампании.

— Пишет, — кратко ответила Мелисса.

Михалыч был рьяным кляузником. Не из вредности: скорее, так он реализовывал свой литературный талант. Все его доносы отличались обстоятельностью, а также массой апелляций к классикам, историческими справками и философскими отступлениями. Вот и сейчас, едва оклемавшись от пахоты, он взялся за перо. Свой гневный протест он начал издавдалека, с мощного эссе о рабстве в древнем Египте.

Однако горести пенсионного литератора были лишь небольшой частью нового катаклизма, имя которому было — огородная лихорадка.

После того как ЖЭК заливал кровавые раны в бюджете, оставленные тотальной войной с крысами и тараканами, дела тестеров стали налаживаться. В доме кроме махровых пенсионеров и студентов появились состоятельные жильцы, Махмуд мобилизовал сантехников на починку отопительной системы, Ксенобайт, оправившись после своего невольного концерта, отдыхал душой, прокладывая по квартирам локальную сеть. Очевидно, этот процесс навевал на него ностальгию, так что методы, которыми он убеждал жильцов подключаться к локалке, порой отличались изрядными зверствами. Вроде: «У кого нет компьютера — тому и электричество не нужно» — или: «Телефонная линия — это слот для модема».

В общем, на фоне прочих мелких неурядиц постановление о том, что здоровенный пустырь за домом отдается жильцам под огороды, было рассмотрено как бонус, а не бомба замедленного действия.

Ощувив себя «землевладельцами», жильцы просто взбесились. По словам Банзая, нечто подобное происходило в начале двадцатого века, вскоре после революции. Особенно отличились, понятное дело, пенсионеры. С остервенелым фанатизмом они копались на своих клочках твердой, потрескавшейся земли, больше напоминающих песочницы, ссорились из-за границ владений и даже, как показал опыт Лукиничны, пытались обзавестись крепостными.

Более молодое поколение по-своему заразилось огородной лихорадкой. С Фасимбой опять пришлось проводить воспитательную работу, после того как на его делянке обнаружилась конопля. Какой-то мини-бизнесмен всерьез задумал построить на своем участке торговый комплекс и даже попытался скупить прилегающие огороды. Другой принялся строить буровую вышку, надеясь отыскать нефть, — нашел канализацию и ужасный гнев Махмуда.

Ксенобайт попытался направить свои алхимические опыты в мирное русло: сварить

для огородников удобрения. Под действием его химикатов пустырь чуть не превратился в джунгли, помидоры покрылись твердой корой с шипами, побеги огурцов стали толстыми, точно змеи, начали извиваться и хватать неосторожных прохожих за ноги. Правда, это решило проблему с птицами: до сих пор ни голуби, ни вороны, ни воробьи не рисковали посягнуть на огороды жильцов, облетая пустырь десятой дорогой. Варить отраву против жуков на основе уже испытанных в борьбе с тараканами газов ему запретили.

Махмуд попытался наладить систему мелиорации, ее прорвало, и в результате некоторое время огороды были годны разве что под рисовые плантации. Тот же Ксенобайт крепко задумался, когда заметил, что один из огородников соорудил вокруг участка забор из колючей проволоки под напряжением. Скандал решили полюбовно, постановив, что, ежели жилец желает таким образом защищать свои владения, то обязан подводить питание к линиям обороны через счетчик.

В медпункт Мелиссы все чаще поступали пенсионеры с красочными синяками под глазом. Эта условность игры обозначала, что бот пережил конфликт более тяжелый, нежели перебранка, но менее тяжелый, чем поножовщина. Участковый Тараскин позорно дезертировал, повесив обязанности решать земельные конфликты на ЖЭК.

Ко всему прочему, Махмуд с Мак-Мэдом тоже приуныли к новой забаве. Все мало-мальски свободное время ходки, а ныне — сантехник и слесарь, проводили, ковыряясь на огородах. Вот и сейчас, в разгар краткого совещания, в контору вдруг вломился сияющий Мак-Мэд:

— Махмудыч! Огурцы появились!

— Да ну?! — тут же подскочил ходок. — Большие?

— Так ведь только-только появились... Минут через двадцать можно будет урожай снимать!

— Дай гляну! — вскочил со стула Махмуд.

— Стоять! — свирепо рявкнул Банзай. — Я те гляну! Весь третий подъезд без горячей воды сидит, а ты там огурцы выращиваешь? Нашел себе тамагочи...

Махмуд смущенно потупился.

— Так ведь лето же! Зачем им горячая вода? Сейчас холодный душ — то, что надо!

— Логика истинного сантехника, — ехидно вставил Ксенобайт

— Марш работать! И чтобы никаких огородов, пока горячая вода не будет во всем доме! Понял?!

— Злой ты, дед... — обиженно прогудел Махмуд, садясь на место и незаметно подавая какие-то знаки Мак-Мэду. Тот попытался было тихо выскользнуть обратно за дверь, но Банзай метко швырнул в него скомканной бумажкой.

— А вас, Штирлиц, я попрошу остаться! Продолжаем совещание.

— Да отпусти ты их, — неожиданно зевнул Ксенобайт. — Не видишь, в наших дуболомах проснулись простые сельские парни, их к земле тянет.

— Да, но...

— Страшная правда состоит в том, — холодно перебил программист, — что у нас все в порядке. Мелкие дразги, небольшие поломки, рутинная работа. «Симсы», в общем.

Банзай вздохнул и махнул рукой.

— Леший с вами. Но, Махмуд, чтобы горячая вода была, понял?

Ходки моментально выскользнули за дверь — точно испарились. Время в игре — понятие относительное, тут не надо месяцами ждать урожая, зато очень легко пропустить важные для любого огородника события.

— Может, с ними сходить? — вяло пробормотала молчавшая до сих пор Внучка. — На камеру их огород снять...

— Ага, — язвительно скривилась Мелисса. — И сделать репортаж: «Вести с полей и огородов... По десять центнеров с гектара, битва за урожай, наши колхозники — самые колхозные в мире...» Мне о таком дедушка рассказывал, передача «Сельский час».

Внучка откровенно скучала. Ей эта игра не нравилась: снимать тут было решительно нечего. Руководствуясь этим тезисом, она уже пропустила захватывающий противокрысинный рейд тестеров, успев только к его драматическому финалу. А потом снова потянулась рутина. Не снимать же, в самом деле, как Ксенобайта очередной раз шарахнуло током или как Махмуд колотит разводным ключом по трубам, шаманскими ритуалами призывая в квартиры жильцов горячую воду?

— Так что будем делать с Лукиничной? — вернул разговор в прежнее русло Ксенобайт.

— Да что с Лукиничной? — досадливо поморщился Банзай. — Общественное порицание и штраф, который все равно скостят за ее ордена. Оптиволокну, естественно, придется восстановить. Я о другом. Повторяю: нам грозит гражданская война. Дом четко разделился на огородников... и не-огородников. Огородники прочих за людей не считают. Впрочем, друг друга они тоже готовы загрызть. Как бы до уголовщины не дошло...

— А что мы можем сделать? — пробубнил программист, кладя голову на руки. — Единственный действенный способ отвлечь граждан от междоусобной поножовщины — объединить их перед лицом внешнего противника. Ну еще — введение внутренних войск и жесткая диктатура. Но в нашем случае...

И тут откуда-то со стороны пустыря донесся полный ярости, гнева и скорби рев. Тестеры удивленно переглянулись: так реветь мог только уязвленный в самое сердце Махмуд.

Виртуальное пространство игры «ЖЭК-экстрим»,

Поля и огороды

17 апреля, 13:39 реального времени

— Сожрали! Все сожрали! Ничего не оставили, гады!

Гнев и горе Махмуда невозможно было передать цензурными словами. Наверное, в другой ситуации он бы катался по земле, колотя по ней руками и посыпая голову пылью, изрыгая страшные проклятья и давая клятвы отомстить обидчику. Но кругом была нежная рассада, адрес обидчика был пока неясен, да и вообще, что называется, декорация не та, так что ходок просто стоял, точно памятник, посреди своего огорода и оглашал окрестности мощным ревом. Возле него сидел на корточках Мак-Мэд, печально разглядывая чуть помятые огуречные кусты.

— Ближе не подходите! — предупредил он, когда встревоженные коллеги показались на границе участка.

— Что случилось?

— Наш урожай пропал, — развел руками стрелок-слесарь. — Огурцы. Все до единого.

Тестеры потрясенно уставились на грядки. Нельзя сказать, чтобы Махмуд строил великие планы по поводу урожая или что ему было жалко виртуальных огурцов. Но гнев и горе огородника, у которого увели бережно выращенный урожай, плоды многочасового труда, мог понять всякий.

Тем временем Мак-Мэд задумчиво

рассматривал жирную, чуть ли не икающую от испуга гусеницу, снятую с листа. Махмуд

моментально ошетинился:

— Ксенобайт! Дай мне яду! Страшного, жгучего яду, чтобы все они подошли в кошмарных мучениях!

— Остынь, — хладнокровно посоветовал снайпер. — Гусеницы тут ни при чем.

— Как это ни при чем? Мы поймали ее на месте преступления!

— Ее подставили. Гусеницы не срывают огурцы с кустов и уж во всяком случае не выплевывают хвостики на землю!

Мак-Мэд поднял с земли и продемонстрировал другу маленький огрызок огурца с оборванным стебельком.

— Диверсия, — уверенно заключил Ксенобайт. — Это сделал бот!

— Кто?! — взревел Махмуд. — Дайте его мне!

Мак-Мэд, не обращая внимания на выбитого из душевного равновесия товарища, еще раз внимательно оглядел землю, даже потрогал ее пальцами. Встав, он разочарованно вздохнул:

— Никаких следов. Местная почва просто не предусматривает образования отпечатков. Увы.

— Их надо найти, — уверенно заявил Махмуд. — Найти и показательно покарать! Они не знают, с кем связались!

Тестеры переглянулись. Ксенобайт мечтательно улыбнулся и машинально потер руки, точно здоровенный богомол.

— Значит, так. Ксен, пройдишь по дому, узнай, были ли подобные случаи у других огородников. Жалко, Михалыч сейчас в больнице, иначе уже знали бы. Мак, Мелисса, пробегитесь по пустырю, составьте схемы патрулирования. Махмуд, почини, наконец, горячую воду в третьем подъезде. За работу!

— Я почти уверен: это не огородники. Ну не станет огородник у огородника урожай тырить.

— Ну почему же. Из зависти. В отместку.

— Нет. Испортить — может быть. Но не красть. У нас в огородниках в основном пенсионеры, у них все-таки понятия о чести в скрипт поведения накрепко прошиты. Ладно, дело не в морально-этических нормах. Я узнавал: воруют. Половина огородов пострадала. И среди наших аграриев родился тихий заговор.

Над пустырем повисла ночь. Мак-Мэд и Ксенобайт переговаривались тихим шепотом, сидя в мощных зарослях чертополоха на делянке лодыря Фасимбы. Получив нагоняй от Махмуда за коноплю, студент окончательно разочаровался в сельском хозяйстве и свой огород запустил. Мак-Мэд аккуратно потрошил патроны двенадцатого калибра, высыпая дробь и засыпая на ее место крупную соль. Ксенобайт тихо пересказывал ему собранные сведения.

— Наши аграрии взбесились не хуже

Махмуда. В общем, они тихо решили: вора надо изловить и линчевать.

— А в милицию обращаться не пробовали?

— А что милиция? Участковый Тараскин не смог даже свой огород уберечь. У него вчера помидоры созрели — обнесли все, подчистую. Аграрии подозревают

автомобилистов. Действительно, те хотели использовать свои участки под гаражи. Но тут неувязка: хорошо тем, чей надел на окраине пустыря. А у кого в самом центре?

— Ну так, может, действительно они?

— Нет. Весь дом уже знает, какая мучительная смерть ждет вредителей. Даже у ботов есть инстинкт самосохранения, я проверял. Будь это кто-то из наших — давно бы уже на дно залег.

Ксенобайт на миг задумался, потом продолжил:

— Была у меня еще мысль: интернетчики. История с перепаканным оптоволокном чуть не подняла их на джихад. Но это мы сегодня проверим.

— Как?

— Очень просто. Сейчас, когда кабель восстановили, все они сидят по квартирам, перед компьютерами. Если сейчас кто и сунется — то уж точно не из них.

— А если никто не сунется?

— Это будет повод для подозрений. Но не более. Ладно, я пошел, гляну, как там дела у Махмуда.

Мак-Мэд коротко кивнул, и программист, точно ящерица, скользнул меж мощных стеблей чертополоха к соседнему участку. Перед тропинкой, разделяющей два огорода, он остановился, огляделся по сторонам и быстро пересек открытое место. Тут было сложнее: участок был засажен низкорослой петрушкой и клубникой. Пришлось ползти по-пластунски до следующего участка, засаженного малиной...

Так, от участка к участку, от малины к помидорам, от помидоров к пионам, сквозь крыжовник и огурцы, программист пересек треть пустыря. И тут...

Ксенобайт зажмурился и помотал головой. Сначала ему показалось, что на соседней грядке притаился медведь. Приглядевшись, он разобрал все-таки, что это человек, только, несмотря на условное лето, одетый во что-то мохнатое.

От охотничьего азарта закололо в кончиках пальцев. Программист подобрался, лихорадочно шаря по поясу в поисках оружия. Рука легла на рукоять нагана.

— Не-е... Живым брать, демона! — прошипел Ксенобайт сам себе и, напрягившись, тигром прыгнул вперед.

Вредитель боролся яростно и молча, но что мог сделать бедный мирный бот против игрока, прошедшего десятки шутеров и стелс-экшенов? Конечно, основными диверсантами группы были Мак-Мэд и Мелисса, но брать языка умели все. Рука программиста уверенно захватила шею противника, колено легло на позвоночник.

— Ну все, попался, — злорадно прошипел Ксенобайт.

— Пусти-и! — завопил бот. — Не виноватый я, мне заплатили!

По правде говоря, это была ошибка. Со всех сторон вдруг слышались голоса:

— Поймали! Поймали вредителя!

— На кол его!

— Огня, православные, огня!

Кругом вспыхнули огни фонариков. Из зарослей овощей и сорняков стали подниматься тени с косами и лопатами. Но все перекрывал торжествующий рев Махмуда:

— Он мой! Дайте его мне, гада, дайте!

Кажется, отпущенных боту вычислительных мощностей вполне хватило, чтобы сообразить: дело труба. Взыв, он вдруг укусил Ксенобайта и невероятным усилием взбрыкнул, перекидывая программиста через себя.

— Только не в тюльпаны!!! — слышался чей-то полный боли вопль. Нежные цветы печально хрустнули под программистом.

Чуя близость линчевателей, вредитель рванул что было сил прямо через огороды. Озверевший Ксенобайт вскочил, намереваясь кинуться в погоню...

Бывают такие несчастливые случайности. Как раз в этот миг грянул залп из обоих стволов старого обреза, и в левую ягодицу программиста сочно впечатался полновесный заряд крупных кристаллов соли.

Виртуальное пространство игры «ЖЭК-экстрим»

Медпункт

17 апреля, 14:08 реального времени

— Больно? — сочувственно спросила Внучка.

— Нет, конечно, но крайне унижительно, — огрызнулся Ксенобайт. — Ну, добрые самаритяне, надо же такое выдумать...

Вирт попросту не мог транслировать сильные болевые ощущения. Но программисты «Самары-Софт» славились своим умением сварить из имеющихся в распоряжении ощущений редкостную гадость для обозначения всяческих неприятностей в игре. Так что, по словам Ксенобайта, чувствовал он себя так, будто пострадавшее место искушали сантиметровые комары, а потом им пришлось сесть на раскаленный мелкий гравий. Самое обидное, что неприятные ощущения преследовали раненого вне зависимости от того, сидел он или стоял. А деликатность попавшей под обстрел части тела затрудняла медицинскую помощь, которую должна была оказать Мелисса. Так что программист попросту валялся на животе, приложив к пострадавшему месту грелку.

Конечно, проще всего было бы выйти из игры, но неприятный эффект все равно должен был преследовать пострадавшего какое-то время.

— Ты разобрался, кто это был? — спросил Махмуд.

— Бомж, — кратко ответил программист. — Запашок от него был такой, что трудно спутать. Только не спеши с выводами.

— Да какие выводы? Все и так ясно.

— Не ясно, — сурово перебил Ксенобайт. — Слышал, что он сказал перед тем, как задать стрекача? «Мне заплатили».

Махмуд озадаченно почесал затылок.

— Зачем ему в такой момент врать? Да еще так бесполезно. Тумаков бы он получил в любом случае.

— А зачем кому-то нанимать бомжа, чтобы он тырил огурцы на огороде? — удивленно спросил Махмуд.

— Это вопрос на девять граммов соли! — с тихой ненавистью сообщил Ксенобайт. — Итак. В доме можно выделить четыре основные группировки. Огородники, интернетчики, автомобилисты и нейтралы. Огородников и нейтралов можно вычеркивать. Интернетчиков, пожалуй, тоже: акты огородного вандализма начались до злополучного случая с оптоволоком, тогда у них еще не было мотива.

— Автомобилисты тоже ни при чем, — заметил Мак-Мэд, деликатно прячущий обрез под курткой. — У тех, кто все-таки умудрился построить гараж на окраине пустыря, тоже хищения.

Ксенобайт вздохнул.

— Кстати, что за толпа была ночью на огородах?

— Пенсионеры, — пожал плечами Махмуд. — Идея патрулировать огороды пришла в голову не только нам. Итак, против нас используют диверсантов-наемников. Вопрос: кто?

— Спрашиваете — отвечаем! — раздался голос Банзая.

Войдя в медпункт, старик бросил на стол стопку каких-то бумаг. Деловито приподняв грелку, он уважительно присвистнул:

— Какую твоим джинсам, латку придется ставить.

— Не томи, старый извращенец, что там у тебя?!

— Анализ жалоб, поданных на нас в мэрию, — хладнокровно сообщил Банзай. — Интересные дела творятся вокруг наших огородов. В общем, так... Да будет вам известно, что этот чертов пустырь — спорная территория между нашим и соседними ЖЭКа.

— Да кому он, вообще-то, нужен? — удивился Ксенобайт.

— Так и было с самого начала игры, — кивнул Банзай. — Но после убедительной победы над тараканами и крысами пустырь переходит к нам в качестве премии. К сожалению, именно в этот момент наши соседи получают выгодное предложение: сдать оную территорию некой фирме в аренду для постройки на ней небольшого

парфюмерного заводика. Только не обольщайтесь: речь идет о цехе по производству хозяйственного мыла.

— Отказать! — завопил с кушетки Ксенобайт. — Я когда-то каждый день вынужден был ходить на работу мимо мыловарни. Запах просто убойный. И уж будьте уверены, поганцы из «Самары-Софт» расстарались, чтобы передать его в полном объеме. Угар будет такой, что у Лукиничны завянет ее любимый кактус, переживший химическую атаку при травле тараканов!

— Но при чем тут вредительство на огородах? — нахмурился Мак-Мэд.

— Все очень просто, — пожал плечами Банзай. — С тех пор как пустырь был передан под наше управление, ничего, кроме головной боли, он нам не приносит. Более того, в муниципалитет регулярно просачиваются докладные и доносы о том, что у нас тут все не слава богу. А пару минут назад ко мне приходит секретарь соседнего ЖЭКа и сладким таким голосом предлагает избавить нас от головной боли. Мол, вам все равно без надобности, давайте мы вам денег дадим, и у вас будет повод прикрыть весь этот балаган.

— И что ты? — с беспокойством спросил Махмуд.

Банзай усмехнулся в усы.

— Про мыловарню я тогда еще не знал. Предложение, кстати, вполне выгодное. Деньги нам не помешают, а рейтинги популярности как-нибудь наверстаем. Недовольство подавим. Опять же нам с этих огородов толку никакого — только развлечение. Но, знаете, ребята... Так за державу вдруг обидно стало — хоть застрелись. Послал я этого секретаря к его секретарской бабушке.

— Правильно! — одобрил Махмуд.

— ...а Мелиссу — собирать информацию, — закончил Дед. — А напоследок тот секретаришка мне пообещал, что овощи у нас поперек глотки еще встанут. И не доверять такому милому человеку у меня, например, нет никаких оснований.

Неожиданно Банзай нахмурился. Прислушавшись к чему-то, он закрыл глаза, вытянул руку и вдруг извлек откуда-то небольшой конверт.

— Срочное сообщение, — пояснил он, распечатал конверт и пробежал глазами письмо. Брови Банзая взлетели вверх. — Надо же... Это от Михалыча. Кажется, впервые в жизни он взялся за перо и был краток.

— Что пишет? — настороженно спросил Ксенобайт.

— Всего пару слов. «Берегитесь. Против нас наняли банду байкеров. Будет погром».

С минуту тестеры переваривали полученное сообщение.

— Во дает. Он же в больнице?! — удивленно заметил Махмуд. — Откуда он может знать?

— Сплетник — это талант, — вздохнул Банзай. — Информация приходит к ним прямо из астрала...

— Так, — хладнокровно вздохнул Мак-Мэд. — Значит, на этот раз мотопехота?

Банзай устало потер переносицу.

— Так... Ксен, ходить можешь?

— Ходить — да, бегать — вряд ли.

— Сойдет. Пройдись по квартирам, собирай ополчение. Выдашь им на время операции повязки дружинников. Соберите оружие по охотникам: двенадцатый калибр с солью хорошо себя показал. Проведите тщательную разведку местности, подготовьте линию укреплений. Я напишу воззвание к жильцам. И найдите мне нашего участкового, он нам понадобится. Как хотите, хоть в клетку его запирайте, но он должен присутствовать на этом балагане в качестве представителя официальной милиции. Как говорили классики, «они хотят войны — они ее получат».

Виртуальное пространство игры «ЖЭК-экстрим»,

Поля и огороды

17 апреля, 15:42 реального времени

Виртуальная ночь спустилась, как всегда, быстро, не утруждая себя прелюдиями вроде заката. В этой игре они были не особенно нужны.

Ксенобайт вонзил иглу шприца в мясистый стебель чертополоха и вдавил поршень. Мутная, отдающая зеленоватым свечением жидкость ушла в растение. Выглянув из зарослей, программист ужом заскользил обратно, в глубь пустыря.

— Порядок, — пробормотал он, оказавшись на делянке Фасимбы, где засел Мак-Мэд с добытой у какого-то жильца берданкой. — Будем считать, что первая линия оборон у нас есть.

Попытка мобилизации огородников дала несколько неожиданный результат. На защиту родных огородов желали пойти все. Пенсионеры с мрачной решимостью вооружались лопатами, мотыгами и граблями. В общем, оборона пустыря стала напоминать восстание Пугачева.

В результате для проведения операции отобрали десятка два самых крепких пенсионеров. Топоры и вилы у них отобрали, заменив на более «гуманные» лопаты. Обрезом вооружили Махмуда, Мак-Мэду выдали берданку. К сожалению, на этом запасы пригодного к использованию огнестрельного оружия закончились.

Гвоздем ополчения неожиданно стал Фасимба. Чернокожий студент явился на пустырь, одетый в одну ягуаровую шкуру (слегка побитую молью), с черенком от лопаты в руках, и, звучно ударив себя кулаком в грудь, угрюмо заявил:

— Мавр тоже воин! Мавр сражаться будет.

Перекрестный допрос, правда, показал: решение принять активное участие продиктовано не столько патристическими чувствами, сколько тем, что байкеры из соседнего района в свое время всячески притесняли бедолагу, обзывая «черномазым» и другими обидными прозвищами.

— А вот и они, — задумчиво заметил Мак-Мэд, отрываясь от бинокля и протягивая его Ксенобайту. — Человек тридцать, не меньше.

Программист принял к окулярам. С минуту он разглядывал приближающуюся к пустырю процессию, потом озадаченно почесал затылок.

— Это что? — недоверчиво спросил он.

— Байкеры.

— Я представлял их несколько иначе. Здоровенные мужики на мотоциклах, в косухах... А это что за микро-байкеры?

Подавляющее большинство приближающихся механизмов имели лишь отдаленное родство с мотоциклами. Проще говоря, это были мопеды. Их пилоты тоже выглядели гораздо более скромно, чем утвердившийся в народном сознании облик байкера: тощие, помятые, в мешковатых спортивных костюмах.

Однако с вооружением у погромщиков было все в порядке. Присутствовали и бейсбольные биты, и обрезки цепей, и притороченные к седлам арматурные пруты. Короче говоря, к пустырю приближалась вполне заурядная банда молодых хулиганов.

Впрочем, добравшись до первого рубежа пустыря, линии гаражей, вредить микро-байкеры начали вполне по-взрослому. Подбадривая друг друга выкриками, они принялись размалевывать гаражи «под хохлому» и колотить по ним, пытаясь вскрыть двери.

Ночь огласилась приглушенным завыванием и переливчатыми трелями десятка сигнализаций. Пустырь безмолвствовал. Вдоволь поиздевавшись над гаражами, орда хулиганов двинулась вперед. Миновав несколько пустынных участков, они наконец добрались до первого огорода, заросшего сорняками.

И вот тут началось. Заросли бурьяна и чертополоха заволновались, как от ветра. Микро-байкеры ехали прямо через них, весело размахивая дубинками, точно казаки — шашками. Наверное, они совсем не ожидали, что обколотые Ксенобайтовским варевом сорняки решат ответить...

Длинное толстое щупальце метнулось, точно анаконда, обвило одного из хулиганов и, сдернув с седла, утащило куда-то в заросли. Еще одно стегнуло другого, точно плеть, оставляя колючки в тонком спортивном костюме. Послышались испуганные вопли...

Хулиганы продолжали упрямо пробираться вперед. Кавалькада мопедов таяла на глазах, но, потеряв треть личного состава, все-таки добралась до мирных огородов. Отъехав подальше от разбушевавшихся сорняковых джунглей, горе-байкеры перевели дух и принялись вымещать испуг на ни в чем не повинных овощах.

— Все, — пожал плечами Мак-Мэд. — Теперь наших огородников не удержать.

Пенсионеры ринулись в бой с глухим урчанием, ошетилившись шанцевым инструментом. Впереди, перепрыгивая через грядки, неся мавр Фасимба, свирепо размахивая лопатой.

Налетчики опешили, но ненадолго. Похватав оружие, они соскочили с мопедов, сбившись в тесную кучку. Вперед вышел главарь байкеров. Тщательно растопырив пальцы, он закричал:

— Эй, я не понял, че за ботва?! Мы тут, типа, просто гуляем...

Атака пенсионеров захлебнулась. Две орды встали друг на против друга. Положение попытался спасти Фасимба. Выйдя вперед, он тоже произвел сложную рэпперскую распальцовку и гнусаво забубнил:

— Хэй, чуваки, вы, типа, на кого наехали? Вы тут не в тему, это, типа, наш район. Уматывайте отсюда на своих отстойных тарантасах, пока эти крутые деды не надрали вам задницы!

— Че?! Да ты, типа, сам вообще не местный, обезьяна черномазая!

Фасимба скрипнул зубами. Сомнений нет, он бы ответил, и ответил достойно, но тут из толпы вышел крепкий пенсионер с окладистой бородой, одетый в засаленную гимнастерку и при орденах. Отодвинув плечом уже открывшего рот студента, он тоже растопырив пальцы и пробасил:

— Слышь, ты, сопляк, за расизм и по хлебалу отхватить можно. Негритенок, хоть и черный, а наш! Прально я грю, мужики?

— Правильно! — раздался сзади мрачный хор.

— А вы, поганцы, не из нашего двора! Даже не с нашей улицы. Прально, мужики?

— Верно, Кузьмич, верно! — поддержали ополченцы, потрясая лопатами.

— Лучше скажи, зараза ты моторизованная, пошто помидоры помял? А клубнику зачем попортил? Огурцы переехал?

При упоминании попорченных овощей толпа моментально начала закипать. Предводитель микро-байкеров наконец сообразил, что имеет дело с коллективом, а не с кучкой пенсионеров. А коллектив, почувствовав слабость, стал с утробным урчанием надвигаться на разом оробевших хулиганов.

Поняв, что проигрывает словесный поединок, предводитель хулиганов вдруг сунул руку в карман и вытащил небольшой ножик. Неожиданно тонким голосом он завопил:

— Не подходи! Замочу! Милиция!!

В ответ на его вопль в кустах взревел двигатель. Поле предстоящей схватки осветилось жестким светом мощных фар, и на открытое место выехал небольшой

экскаватор, отрезавший хулиганам путь к отступлению.

К высоко поднятому ковшу экскаватора цепью была привязана наскоро сваренная из железных труб клетка, в которой болтался участковый Тараскин — при фуражке, погонах и с табельным оружием в руках. Срывающимся от волнения голосом он крикнул:

— Всем стоять! Именем закона приказываю вам сдаться! Сим свидетельствую, что дальнейшие действия будут расцениваться как акт необходимой самообороны против вооруженного нападения со стороны жильцов дома номер...

— Опаньки... Менты! **Засада!**

Несколько хулиганов вскочили на мопеды и попытались, бросив товарищей, смыться. Первого тут же снял из седла меткий выстрел Мак-Мэда, другого обхватило поперек туловища брошенное из кустов лассо. Третий почти успел добежать до зарослей чертополоха, но оттуда свистнула совковая лопата, и на свет вышел Махмуд с последним резервом огородников, замыкая кольцо.

На крышу кабины экскаватора выбрался Банзай. Оглядев панораму, он удовлетворенно кивнул, на ленинский манер заложил большой палец за отворот пиджака и, махнув зажатой в кулаке кепкой, провозгласил:

— Товарищи пенсионеры! Заводы — рабочим, земля — крестьянам, а вредителям — тумakov! Мочи козлов, товарищи! Ура!

Байкеры не сдались без боя. Впрочем, у них попросту не было выбора. После короткой речи Банзая огородники с глухим: «Ур-ра!» — ринулись в атаку.

Жалобно пискнувшего главаря хулиганов попросту затоптали. Ощетинившийся граблями и лопатами клин пенсионеров врезался в неровный строй врага. С другой стороны ударил Махмуд, приведший на подмогу угрюмых сантехников в толстых ватниках, вооруженных разводными ключами и вантузами.

Деморализованные потерей вождя и сюрреалистическим видом представителя милиции, запертого, наподобие экзотического тотема, в клетку, микро-байкеры ударились в панику. Они беспорядочно метались в кольце огородников, махали битами и цепями. Мак-Мэд ловко отстреливал тех, кто рисковал перейти грань, схватившись за нож.

Пенсионеры показали себя умелыми бойцами. Они ловко вышибали из хулиганов дух лопатами, поддевали их ноги граблями и клюками. То тут, то там раздавался мелодичный звон сковородки неугомонной Лукиничны, которая решила на передовой искупить конфуз с пахотой оптоволокон.

Тестеры, истосковавшиеся по боевым действиям, попевали повсюду. Мелисса, точно акула, нарезала круги по периметру битвы, чтобы то тут, то там вдруг появиться из теней, сцапать зазевавшегося хулигана и уволочь во тьму, откуда он уже не возвращался. Банзай с Ксенобайтом устроились на экскаваторе, угощая подходящих слишком близко байкеров меткими ударами лопат. Махмуд, точно медведь, копошился в самой гуще битвы...

Последний отчаянный прорыв несостоявшихся разорителей огородов привел их к полнейшему краху. Штук пять отчаянных байкеров, оседлав свои неказистые машинки, прорвались сквозь оцепление и... растворились в зарослях хищно шелестящего чертополоха.

К линии гаражей выехал только один, да и тот был снят метким выстрелом Мак-Мэда. Остальные остались где-то в недрах сотворенных Ксенобайтом анаболических джунглей.

Спустя несколько минут их извлекли оттуда вместе с первой партией угодивших в щупальца байкеров. Придушенные, взъерошенные, исцарапанные мелкими колючками, боты тряслись от страха и мелко икали. Впрочем, их коллеги, отведавшие гнева огородников, выглядели не лучше.

Потери среди жильцов были минимальны. Несколько пенсионеров пришлось отпаивать валерьянкой, еще нескольким, вошедшим в боевой раж, дали успокоительного. Шишки, синяки и ссадины тоже были, но до переломов и сотрясений дело не дошло.

Участкового Тараскина наконец спустили на землю и выпустили из клетки. Бедолагу трясло, но держался он гоголем.

— Орел! Орден получишь, — обещал ему Банзай, похлопывая представителя милиции по плечу. — За командование отрядом дружинников и обезвреживание банды матерых байкеров.

Тараскин слабо улыбался, хотя ноги у него подкашивались. В клетку его запихали по двум причинам: во-первых, чтобы не сбежал, во-вторых — чтобы не помяли в битве. Выстроив участвовавших в обороне огородников, Банзай прошелся перед строем и объявил:

— Благодарю за службу! Всем объявляется благодарность за содействие при задержании. Всем спасибо. Все свободны.

Тестеры патрулировали пустырь еще две игровых ночи. Однако посягательства на огороды жильцов не повторились.

Многим участкам изрядно досталось в ходе битвы: они были нещадно вытоптаны. Кроме того, сорняки, которые Ксенобайт накачал своим фирменным удобрением, пришлось вырубить: они завели привычку шататься по чужим огородам, топча рассаду и пугая прохожих.

Однако виртуальное время летит быстро. Вытоптанные грядки вновь затянулись зеленью, и вскоре Мак-Мэд и Махмуд уже вовсю хвастались новым урожаем...